

- [Цветаева Марина](#)

o

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной
электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Цветаева Марина

Избранные стихи

Марина Цветаева
Избранные стихи

х х х

Моим стихам, написанным так рано, Что и не знала я, что я - поэт, Сорвавшимся, как брызги из фонтана, Как искры из ракет, Ворвавшимся, как маленькие черти, В святилище, где сон и фимиам, Моим стихам о юности и смерти - Нечитанным стихам! Разбросанным в пыли по магазинам (Где их никто не брал и не берет!), Моим стихам, как драгоценным винам, Настанет свой черед.

Май 1913

Плохое оправдание

Как влюбленность старо, как любовь забываемо-ново: Утро в карточный домик, смеясь, превращает наш храм. О мучительный стыд за вечернее лишнее слово! О тоска по утрам!

Утонула в заре голубая, как месяц, трирема, О прощании с нею пусть лучше не пишет перо! Утро в жалкий пустырь превращает наш сад из Эдема... Как влюбленность - старо!

Только ночью душе посылаются знаки оттуда, Оттого все ночное, как книгу, от всех береги! Никому не шепни, просыпаясь, про нежное чудо: Свет и чудо - враги!

Твой восторженный бред, светом розовыл люстр золоченный, Будет утром смешон. Пусть его не услышит рассвет! Будет утром - мудрец, будет утром - холодный ученый Тот, кто ночью - поэт.

Как могла я, лишь ночью живя и дыша, как могла я Лучший вечер отдать на терзанье январскому дню?

Только утро виню я, прошедшему вздох посылая, Только
утро виню!

1909-1910

Душа и имя

Пока огнями смеется бал, Душа не уснет в покое. Но
имя Бог мне иное дал: Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох Забыть не
могу тоски я. Мечты иные мне подал Бог: Морские они,
морские!

Поет огнями манящий зал, Поет и зовет, сверкая. Но
душу Бог мне иную дал: Морская она, морская!

1911-1912

х х х

Идешь, на меня похожий, Глаза устремляя вниз. Я
их опускала - тоже! Прохожий, остановись!

Прочти - слепоты куриной И маков набрав букет, Что
звали меня Мариной И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь - могила, Что я появлюсь,
грозя... Я слишком сама любила Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже, И кудри мои вились... Я
тоже была прохожий! Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий И ягоду ему вслед,
Кладбищенской земляники Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо, Главу опустив на грудь,
Легко обо мне подумай, Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает! Ты весь в золотой пыли... - И
пусть тебя не смущает Мой голос из под земли.

3 мая 1913

Байрону

Я думаю об утре Вашей славы, Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови Сошлись над
факелами Ваших глаз, О том, как лава древней крови По
Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах, очень длинных, В волнистых
волосах, И обо всех - в аллеях и в гостиных Вас

жаждущих глазах.

И о сердцах, которых - слишком юный Вы не имели
времени прочесть, В те времена, когда всходили луны И
гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутемном зале, О бархате, склоненном
к кружевам, О всех стихах, какие бы сказали Вы - мне, я
- Вам.

Я думаю еще о горсти пыли, Оставшейся от Ваших
губ и глаз... О всех глазах, которые в могиле. О них и
нас.

24 сентября 1913

Генералам двадцатого года

Сергею

Вы, чьи широкие шинели Напоминали паруса, Чьи
шпоры весело звенели И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты, На сердце оставляли
след, Очаровательные франты Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли Вы брали сердце и скалу,
Цари на каждом бранном поле И на балу.

Вас охраняла длань Господня И сердце матери, -
вчера Малютки-мальчики, сегодня Офицера!

Вам все вершины были малы И мягок самый
черствый хлеб, О, молодые генералы Своих судеб!

- -

Ах, на гравюре полустертой, В один великолепный
миг, Я видела, Тучков-четвертый, Ваш нежный лик.

И вашу хрупкую фигуру, И золотые ордена... И я,
поцеловав гравюру, Не знала сна...

О, как, мне кажется, могли вы Рукою, полною
перстней, И кудри дев ласкать - и гривы Своих коней.

В одной невероятной скачке Вы прожили свой яркий
век... И ваши кудри, ваши бачки Засыпал снег.

Три сотни побеждало - трое! Лишь мертвый не
вставал с земли. Вы были дети и герои, Вы все могли!

Что так же трогательно-юно Как ваша бешенная
рать? Вас злотокудрая фортуна Вела, как мать.

Вы побеждали и любили Любовь и сабли острее И
медленно переходили В небытие.

26 декабря 1913

х х х

С.Э.

Я с вызовом ношу его кольцо! - Да, в Вечности -
жена, не на бумаге. Его чрезмерно узкое лицо Подобно
шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз, Мучительно-
великолепны брови. В его лице трагически слились Две
древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей. Его глаза -
прекрасно-бесполезны! Под крыльями раскинутых
бровей Две бездны.

В его лице я рыцарству верна, - Всем вам, кто жил и
умирал без страху! Такие - в роковые времена Слагают
стансы - и идут на плаху.

3 июня 1914

Бабушке

Продолговатый и твердый овал, Черного платья
раструбы... Юная бабушка! - Кто целовал Ваши
надменные губы?

Руки, которые в залах дворца Вальсы Шопена
играли... По сторонам ледяного лица Локоны в виде
спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд, Взгляд, к
обороне готовый. Юные женщины так не глядят. Юная
бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли, И
невозможностей - сколько? В ненасытимую прорву
земли, Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж, Темные звезды
погасли. - Бабушка! - Этот жестокий мятеж В сердце
моем - не от вас ли?..

4 сентября 1914

х х х

Легкомыслие! - Милый грех, Милый спутник и враг мой милый! Ты в глаза мне вбрызнул смех, Ты мазурку мне вбрызнул в жилы.

Научил не хранить кольца, С кем бы Жизнь меня ни венчала! Начинать наугад с конца И кончать еще до начала.

Быть как стебель и быть как сталь В жизни, где мы так мало можем... - Шоколадом лечить печаль, И смеяться в лицо прохожим!

3 марта 1915

х х х

Мне нравится, что вы больны не мной, Мне нравится, что я больна не вами, Что никогда тяжелый шар земной Не уплывет под нашими ногами. Мне нравится что можно быть смешной Распущенной - и не играть словами, И не краснеть удушливой волной, Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне Спокойно обнимаете другую, Не прочите мне в адовом огне Гореть за то, что я не вас целую. Что имя нежное мое, мой нежный, не Упоминаете ни днем, ни ночью - всуе... Что никогда в церковной тишине Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой За то, что вы меня - не зная сами! Так любите: за мой ночной покой, За редкость встреч закатными часами, За наши не-гулянья под луной, За солнце, не у нас над головами, За то, что вы больны - увы! - не мной, За то, что я больна - увы! - не вами!

3 мая 1915

х х х

Какой-нибудь предок мой был - скрипач, Наездник и вор при этом. Не потому ли мой нрав бродяч И волосы пахнут ветром?

Не он ли, смуглый, крадет с арбы Рукой моей - абрикосы, Виновник страстной моей судьбы, Курчавый и

горбоносый?

Дивясь на пахаря за сохой, Вертел между губ - шиповник. Плохой товарищ он был, - лихой И ласковый был любовник!

Любитель трубки, луны и бус, И всех молодых соседок... Еще мне думается, что - трус Был мой желтоглазый предок.

Что, душу черту продав за грош, Он в полночь не шел кладбищем. Еще мне думается, что нож Носил он за голенищем,

Что не однажды из-за угла Он прыгал, - как кошка гибкий... И почему-то я поняла, Что он - не играл на скрипке!

И было все ему нипочем, Как снег прошлогодний - летом! Таким мой предок был скрипачом. Я стала - таким поэтом.

23 июня 1915

х х х

С большою нежностью - потому, Что скоро уйду от всех, Я все раздумываю, кому Достанется волчий мех,

Кому - разнеживающий плед И тонкая трость с борзой, Кому - серебряный мой браслет, Осыпанный бирюзой...

И все записки, и все цветы, Которых хранить невмочь... Последняя рифма моя - и ты, Последняя моя ночь!

22 сентября 1915

х х х

Два солнца стынут, - о Господи, пощади! Одно - на небе, другое - в моей груди.

Как эти солнца, - прощу ли себе сама? Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут - не больно от их лучей! И то остынет первым, что горячей.

5 октября 1915

х х х

Цыганская страсть разлуки! Чуть встретишь - уж
рвешься прочь. Я лоб уронила в руки И думаю, глядя в
ночь:

Никто, в наших письмах роясь, Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть Как сами себе верны.

Октябрь 1915

х х х

Откуда такая нежность? Не первые - эти кудри
Разглаживаю, и губы Знавала - темней твоих.

Всходили и гасли звезды (Откуда такая нежность?),
Всходили и гасли очи У самых моих очей.

Еще не такие песни Я слушала ночью темной
(Откуда такая нежность?) На самой груди певца.

Откуда такая нежность? И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий, С ресницами - нет длинней?

18 февраля 1916

х х х

Белое солнце и низкие, низкие тучи, Вдоль огородов
- за белой стеною - погост. И на песке вереницы
соломенных чучел Под перекладами в человеческий
рост.

И, перевесившись через заборные колья, Вижу:
дороги, деревья, солдаты вразброд. Старая баба -
посыпанный крупною солью Черный ломоть у калитки
жует и жует...

Чем прогневили тебя эти старые хаты, Господи! - и
для чего стольким простреливать грудь? Поезд прошел
и завыл, и завyli солдаты, И запылil, запылil
отступающий путь...

- Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше, Чем
этот жалобный, жалостный, каторжный вой О
чернобровых красавцах. - Ох, и поют же Нынче солдаты!
О, господи Боже ты мой!

3 июля 1916

х х х

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес, Оттого что лес - моя колыбель, и могила - лес, Оттого что я на земле стою - лишь одной ногой, Оттого что я о тебе спою - как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей, У всех золотых знамен, у всех мечей, Я закину ключи и псов прогоню с крыльца Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других - у той, одной Ты не будешь ничей жених, я - ничьей женой, И в последнем споре возьму тебя - замолчи! У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но пока тебе не скрещу на груди персты, О проклятье! - у тебя останешься ты: Два крыла твоих, нацеленные в эфир, Оттого что мир - твоя колыбель, и могила - мир!

15 августа 1916

Цыганская свадьба

Из-под копыт Грязь летит! Перед лицом Шаль, как щит. Без молодых Гуляйте, сваты! Эй, выноси, Конь косматый!

Не дали воли нам Отец и мать Целое поле нам Брачная кровать!

Пьян без вина и без хлеба сыт Это цыганская свадьба мчит!

Полон стакан. Пуст стакан. Гомон гитарный, луна и грязь. Вправо и влево качнулся стан: Князем - цыган! Цыганом - князь!

Эй, господин, берегись - жжет! Это цыганская свадьба пьет.

Там, на ворохе Шалей и шуб Звон и шорох Стали и губ. Звякнули шпоры, В ответ мониста. Скрипнул под чьей-то рукою Шелк. Кто-то завыл, как волк, Кто-то - как бык - храпит. Это цыганская свадьба спит.

25 июня 1917

х х х

Мой день беспутен ин нелеп: У нищего прошу на хлеб, Богатому даю на бедность,

В иголку продеваю - луч, Грабителю вручаю - ключ, Белилами румяню бледность.

Мне нищий хлеба не дает, Богатый денег не берет, Луч не вдевается в иголку,

Грабитель входит без ключа, А дура плачет в три ручья Над днем без славы и без толку.

29 июля 1918

х х х

С.Э.

Писала я на аспидной доске, И на листочках вееров поблеклых, И на речном, и на морском песке, Коньками по льду, и кольцом на стеклах,

И на стволах, которым сотни зим, И, наконец, - чтоб всем было известно! Что ты любим! любим! любим! любим! Расписывалась - радугой небесной.

Как я хотела, чтобы каждый цвел В веках со мной! под пальцами моими! И как потом, склонивши лоб на стол, Крест-накрест перечеркивала - имя...

Но ты, в руке продажного писца Зажатое! ты, что мне сердце жалишь! Непроданное мной! внутри кольца! Ты - уцелеешь на скрижалях.

18 мая 1920

х х х

Кто создан из камня, кто создан из глины, А я серебрюсь и сверкаю! Мне дело - измена, мне имя - Марина, Я - бренная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти Тем гроб и надгробные плиты... - В купели морской крещена - и в полете Своем - непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети Пробьется мое своеволие. Меня - видишь кудри беспутные эти? Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена, Я с каждой волной - воскресаю! Да здравствует пена - веселая пена

Высокая пена морская!

23 мая 1920

х х х

Знаю, умру на заре! На которой из двух, Вместе с которой из двух - не решить по заказу! Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух! Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! - Неба дочь! С полным передником роз! - Ни ростка не наруша! Знаю, умру на заре! - Ястребиную ночь Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест, В щедрое небо рванусь за последним приветом. Прорежь зари - и ответной улыбки прорежь... - Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Декабрь 1920

Маяковскому

Превыше крестов и труб, Крещенный в огне и дыме, Архангел-тяжелоступ Здорово, в веках Владимир!

Он возчик и он же конь, Он прихоть и он же право. Вздыхнул, поплевал в ладонь: - Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес Здорово, гордец чумазый, Что камнем - тяжеловес Избрал, не прельщась алмазом.

Здорово, булыжный гром! Зевнул, козырнул и снова Оглоблей гребет - крылом Архангела ломового.

18 сентября 1921

Хвала Богатым

И засим, упредив заранее, Что меж мной и тобою - мили! Что себя причисляю к рвани, Что честно мое место в мире:

Под колесами всех излишеств: Стол уродов, калек, горбатых... И засим с колокольной крыши Объявляю: люблю богатых!

За их корень, гнилой и шаткий, С колыбели растящий рану, За растерянную повадку Из кармана и вновь к карману.

За тишайшую просьбу уст их, Исполняемую, как окрик. И за то, что их в рай не впустят, И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны - всегда с нарочным! За их страсти - всегда с рассыльным! За навязанные им ночи, (И целуют и пьют насильно!)

И за то, что в учетах, в скуках, В позолотах, в зевотах, в ватах, Вот меня, наглеца, не купят
Подтверждаю: люблю богатых!

А еще, несмотря на бритость, Сытость, питость (моргну - и трачу!) За какую-то - вдруг - побитость, За какой-то их взгляд собачий,

Сомневающийся...

- Не стержень Ли к нулям? Не шалят ли гири? И за то, что меж всех отверженств Нет - такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня: Как верблюды в иглу пролезли. ...За их взгляд, изумленный насмерть, Извиняющийся в болезни.

Как в банкротстве... "Ссудил бы... Рад бы Да..."

За тихое, с уст зажатых: "По каратам считал, я - брат был..." Присягаю: люблю богатых!

30 сентября 1922

Диалог Гамлета с совестью

- На дне она, где ил И водоросли... Спать в них Ушла, - но сна и там нет! - Но я ее любил, Как сорок тысяч братьев Любить не могут!

- Гамлет! На дне она, где ил: Ил!.. И последний венчик Всплыл на приречных бревнах... - Но я ее любил, Как сорок тысяч...

- Меньше Все ж, чем один любовник. На дне она, где ил. - Но я ее любил??

5 июня 1923

х х х

Б. Пастернаку

Рас - стояние: версты, мили... Нас рас - ставили, рас -
садили, Чтобы тихо себя вели По двум разным концам
земли.

Рас - стояние: версты, дали... Нас расклеили,
распаяли, В две руки развели, распяв, И не знали, что
это - сплав

Вдохновений и сухожилий... Не рассорили -
рассорыли, Расслоили...

Стена да ров. Расселили нас как орлов

Заговорщиков: версты, дали... Не расстроили -
расстреляли. По трущобам земных широт Рассовали нас
как сирот.

Который уж, ну который - март?! Разбили нас - как
колоду карт!

24 марта 1925

х х х

Рябину Рубили Зорькою. Рябина Судьбина Горькая.
Рябина Седыми Спусками. Рябина! Судьбина Русская.

1934

Читатели газет

Ползет подземный змей, Ползет, везет людей. И
каждый - со своей Газетой (со своей

Экземой!) Жвачный тик, Газетный костоед.
Жеватели мастик, Читатели газет.

Кто - чтец? Старик? Атлет? Солдат? - Ни черт, ни
лиц, Ни лет. Скелет - раз нет Лица: газетный лист!

Которым - весь Париж С лба до пупа одет. Брось,
девушка!

Родишь Читателя газет.

Кача - "живет с сестрой" ются - "убил отца!"
Качаются - тщетой Накачиваются.

Что для таких господ Закат или рассвет? Глотатели
пустот, Читатели газет!

Газет - читай: клевет, Газет - читай: растрат. Что ни
столбец - навет, Что ни абзац - отврат...

О, с чем на Страшный суд Предстаните: на свет!
Хвататели минут, Читатели газет!

- Пошел! Пропал! Изчез! Стар материнский страх.
Мать! Гуттенбергов пресс Страшной, чем Шварцев прах!

Уж лучше на погост, Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост, Читателей газет!

Кто наших сыновей Гноит во цвете лет? Смесители
кровей, Писатели газет!

Вот, други, - и куда Сильней, чем в сих строках! Что'
думаю, когда С рукописью в руках

Стою перед лицом - Пустее места - нет! Так значит -
нелицом Редактора газет
ной нечисти.

1-15 ноября 1935, Ванв

х х х

Пора снимать янтарь, Пора менять словарь, Пора
гасить фонарь Наддверный...

Февраль 1941

Марина Цветаева. Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных, Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные По мановенью жезла. Где
потолки расписные, До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды, Темные шторы в цветах,
Великолепные морды На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пядьцам, Взгляды портретов в
упор... Странно постукивать пальцем О деревянный
забор!

Домики с знаком породы, С видом ее сторожей, Вас
заменили уроды, Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы - их право! И погибаете вы, Томных
прабабушек слава, Домики старой Москвы.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной
электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)
[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)